

РУЧНОЙ ЗАЯЦ

Владимир Герасимов,

gerasimovvladimir@gmail.com

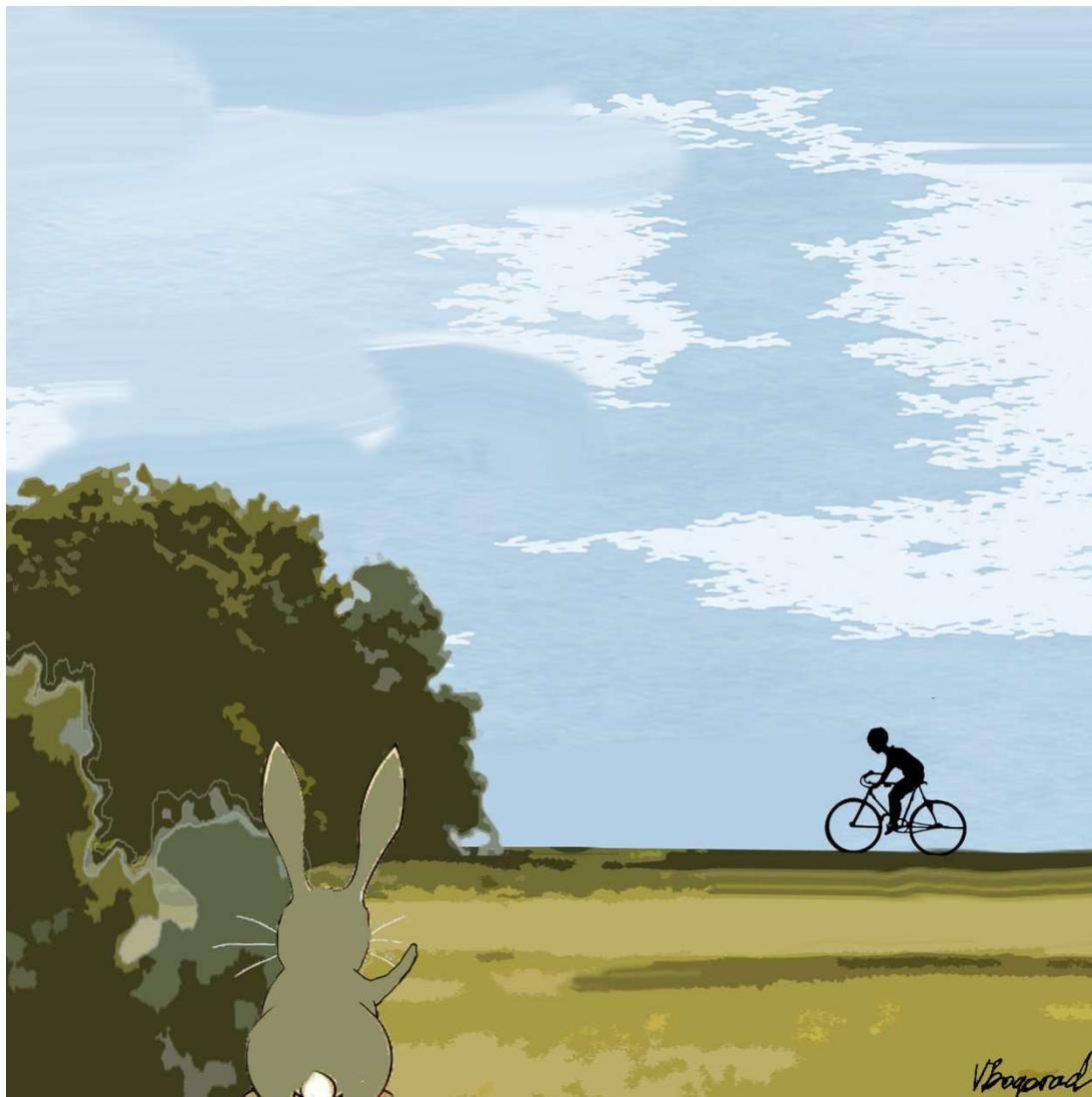

Рисунок Виктора Богорада

До 11-ти лет я жил в семье дедушки, сельского священника, неподалеку от города Владимир-Волынский. Бабушка и тетя, сестра моего отца, считали, что для меня это значительно лучше, чем у родителей. Во всяком случае, сытнее. Но на семейном совете перед каникулами отец настоял на своем праве воспитывать сына так, как считает нужным. Поэтому дедушка усадил меня рядом с собой на телегу и отвез в соседний район в деревню Грушевка. Здесь отец

работал преподавателем математики в местной школе. У меня началась новая жизнь.

Когда, например, ни на что особо не рассчитывая, я спросил: «Мам, можно я с ребятами пойду на озеро босиком?», то услышал - «Иди». Ни бабушка, ни тетя мне бы этого не позволили. И аргументы у них были бы железные – ты проколешь ноги; или промочишь их и заболеешь; или, наконец, просто утонешь в этом озере. Здесь же была свобода! Очень сладкое слово.

Надо признать, что частично предполагаемые прогнозы тети и бабушки сбылись. Я сразу же во многих местах проколол нежную кожу на ступнях и это было очень больно. Мама в качестве основного лечения помогала привязывать к ранкам листья подорожника, т.к. считалось, что это ускорит заживление. Но держались на ногах эти листики совсем не долго. Впрочем, скоро все поменялось. Кожа на ногах быстро огрубела и перестала прокалываться. Теперь бег по острой стерне или по колючим сосновым шишкам в лесу вызывал только приятное щекотание. Многие другие запреты тоже бесследно исчезли.

Было еще одно. Отец отдал мне собственный подержанный велосипед, на руле которого красовалась бляха с буквами «ХВЗ» (Харьковский велосипедный завод). Правда, с условием, что я приведу его в порядок и впредь буду сам ремонтировать и обслуживать. Это был царский подарок. Дня два ушло на разборку, смазку (мама дала зеленую баночку вазелина) и регулировку. Ссадин и царапин на руках сильно добавилось, но какое же это было удовольствие держать руль собственного средства передвижения!

Возникали и проблемы. Например, поначалу мне было довольно трудно удерживать тяжелый агрегат и он часто падал на меня. Или я на него. Количество ссадин росло, но желание ездить пересиливало. Ноги некоторое время не доставали до рамы, поэтому я использовал велосипед как самокат. Так как я тренировался от рассвета до заката, то скоро достиг пика мастерства. Мог, например, не только быстро ездить, но и балансировать, практически стоя на месте. Ноги тоже

как-то быстро выросли. Осталось только развернуть сиденье задом наперед, чтобы не мешало. В общем, велосипед я освоил, не нарушив при этом данное отцу обещание обслуживать его самостоятельно.

Родители снимали небольшую комнату неподалеку от школы. Запомнилась фамилия хозяина – Патура. Он работал в колхозе на бригаде. Однажды хозяйка попросила скататься туда и передать мужу сверток с едой, который тот забыл взять, уходя на работу. Иначе до вечера голодным останется. Мне подсказали, как туда проехать.

Рядом со скирдой соломы сидели мужики, среди них был и хозяин. Я передал еду, завернутую в газетку, и собирался уехать, но дядя меня остановил. Отлучился на минуту, а когда вернулся, протянул мне что-то на ладони. Это был крохотный серый зайчонок. Его обнаружили в соломе, в гнезде, которое смастерила зайчиха. Дядя сказал: «На, вырастишь, а то без мамы-зайчихи он погибнет, слишком маленький».

Я положил зайца за пазуху, так как руки были заняты, и привез домой. Дальше начались трудности. Зайчонок ничего не ел, ни траву, ни морковку. Забился в угол за печкой и сидел, сжавшись в крохотный

комочек. Мама сказала, что он еще, наверное, грудной и может есть только молоко. Но молоко из блюдца он тоже пить не стал.

Мы надели на пузырек из-под пенициллина пилетку, но заяц вяло вырывался и сосать эту «соску» не хотел. Через какое-то время он уже лежал вытянувшись, и на мои руки не реагировал. Было ясно, что он совсем скоро умрет, и мне было его жалко до слез. Хозяйка заглянула к нам в комнату и сказала, что, возможно, он стал бы пить из обычной детской соски, но только где ее взять?

Вообще-то в деревне был медпункт и там, вроде бы, можно было что-то купить. Мама дала мне горстку мелочи, я зажал ее в кулаке и поехал по указанному адресу. На месте выяснилось, что это дом председателя колхоза, а не медпункт. Но вернуться ни с чем я не мог, поэтому обошел жильё вокруг и через приоткрытую дверь проник внутрь. В коридор ко мне вышла женщина и объяснила, что ларек при комнате, которую называли медпунктом (иногда приезжал врач из района) не работает, так как продавать нечего. Сосок тоже нет.

Просто так повернуться и уйти я тоже не мог, стоял и молча смотрел на нее. Видимо, было на моем лице что-то такое, что она спросила: «А зачем тебе соска». Еле сдерживаясь, чтобы не расплакаться, я рассказал ей про зайца. Она сказала: «Подожди», ненадолго ушла, а когда вернулась, протянула мне соску и не взяла денег. Сказала, что это ее собственная, которую купила в райцентре для грудной дочки.

Мама налила в пузырек побольше подогретого молока, я надел соску и проколол в ней дырочку ножкой от циркуля. Но опять ничего не получилось. Когда я с пузырьком вышел на кухню, хозяйка посмотрела и сказала – у вас дырочка в резинке сделана неправильно. Ее нужно не прокалывать, а прожигать, иначе края схлопываются, дырочка закрывается и прососать молоко не удастся. Ни я, ни мама про такие тонкости не знали, так как в моем грудном возрасте сосок просто не было.

Мама отстегнула от передника булавку, я нагрел ее кончик на спичке и прожег отверстие в соске. Резко запахло жженой резиной, я

подумал, что зайцу это не понравится. Но произошло неожиданное. Когда, ни на что не надеясь, я сунул ему соску в рот, он обхватил пузырек лапами и начал судорожно сосать, громко причмокивая. Через две-три минуты он вылакал половину. Мама сказала: «Дай ему передохнуть, а то он просто лопнет». И действительно, когда я взял его в руку, заяц был похож на туго накачанный мячик.

После этого все было хорошо. Я регулярно кормил зайчонка молоком, ничего другого вначале он есть не хотел. Не помню точно, когда именно он начал есть капусту, морковь, сырую картошку. Наотрез отказывался только от травы, которую я ему предлагал. Жил он за печкой, днем я выпускал его побегать по комнате. Иногда мы делали это наперегонки. Он довольно быстро рос. Когда в сентябре я пошел в 5-й класс, пришлось уже подросткового зайца переселить в клетку в сарае. На большой перемене я успевал прибежать и покормить его. Удавалось немного погладить и почесать за ухом.

Я понимал все отчетливее, что так долго продолжаться не может. Хозяин предложил – давай, мол, мы его зажарим и съедим. Я знал, что это он шутит, но слышать такое было очень неприятно. Осенью, в один из последних солнечных дней, мы решили зайца отпустить. Втроем, мама, отец и я, пошли в лесок поблизости. Невысокие редкие березки, среди которых летом можно было бысто набрать грибов – подберезовиков и подосиновиков (на укр. «бабок» и «красноголовцев»). Я сюда часто наведывался. Мама говорила, ставя кастрюлю с водой на плиту: «Сбегай за грибами, я суп сварю». Через несколько минут, как раз, когда вода закипала, я прибежал, слегка запыхавшись, с парой-тройкой грибов в руках.

Родители прошли вперед, а мы с зайцем немного отстали. Я нес его на руках, он вел себя совершенно спокойно. Когда мы проходили мимо дерева рядом с домом, сверху раздался резкий, громкий, душераздирающий крик. У меня от неожиданности мурашки по спине побежали. А заяц вздрогнул всем телом и буквально вжался в меня. Я посмотрел вверх и прямо над головой увидел на ветке большущую черную ворону. Она свесилась вниз и смотрела на нас крайне неодобрительно. Родителям я не стал ничего говорить. Почему?

Выражаясь современным языком, это событие с вороной пахивало мистикой, а я точно знал, что отец относится к этому делу отрицательно. Что не понравилось вороне, я не знаю.

На опушке я отпустил зайца на землю. Опять произошло то, чего я не ждал. Он набросился на траву и начал ее жадно грызть. Почему он не ел сорванную мной? Может быть это была другая трава? Так продолжалось минут десять. Родители прошли далеко вперед, я сидел рядом с зайцем. Мне было жалко с ним расставаться, но и держать его в клетке в сарае было больше нельзя.

Я побежал догонять отца с мамой. Когда оглянулся, увидел, что этот дурачок бежит за мной как собачонка. Кончилось тем, что нам втроем пришлось его пугать – громко кричать, хлопать в ладоши, размахивать руками. Мне очень не хотелось этого делать, но отец объяснил – надо, чтобы он *боялся* людей и не подпускал их к себе близко. Иначе не выживет. В конце концов мы его отогнали подальше и быстро ушли домой.

Через несколько дней, когда я бродил в тех же местах, увидел двух зайцев сразу. Один был очень похож на нашего (я уверен, что это он и был), не спешил спрятаться в кусты, как второй. Когда я сказал об этом маме, она улыбнулась и объяснила – не переживай, теперь он не пропадет, есть кому о нем позаботиться. Подруга научит его всему, что нужно. Так ли это, я не знал, но мне стало легче. До этого было какое-то тяжелое чувство, которое постепенно ушло.

Ноябрь 2024 г.